

изображения реального и конкретного, что было характерно и для эпистолографии итальянских гуманистов³⁹.

Замечательным литературным памятником эпохи являются письма самого Феодора II, большинство которых адресованы членам кружка. Император, воспитанный в эллинистических традициях, увлеченный античными поэтами, ораторами и музыкой, с волнующей искренностью и тонкостью передает в письмах эпизоды своей жизни, свое настроение. В них то сквозит легкая ирония, переходящая в сатиру, то вплетается философское размышление о сущности бытия, оканчивающееся сожалением по поводу бренности мира, то все пронизывается дружескими чувствами и расположением к адресату. Письма передают новое эстетическое восприятие жизни, интерес к прошлому, красоте памятников и ландшафтов.

В качестве примера можно привести одно из писем императора, которое по глубине содержания, и настроения, по выражению русской исследовательницы М. А. Андреевой, «могло бы принадлежать перу итальянского гуманиста»⁴⁰. Речь идет о небольшом письме, адресованном Акрополиту (*Lasc. Ep. P. 107—108*), в котором император описывает посещение Пергама. Заброшенность города являет печальное зрелище. Впечатляет лишь сохранившийся театр, который олицетворяет собой величие эллинского мира, несмотря на всеразрушающее влияние времени. Это же величие древних Феодор усматривает и в полуразрушенных стенах пергамских зданий, и в сохранившемся акведуке, арки которого производили впечатление монолита и в то же время отличались такой легкостью и естественностью изгиба, что «сам бы Фидий поразился, увидев их» (*Ibid. P. 108*). В конце письма император проводит аналогию между состоянием города, в котором повсюду валялись куски мраморных колонн, навевающие на зрителя печаль о прошлом, и убожеством жизни ныне живущих.

Просвещение, которое традиционно поддерживалось в Византии и являлось в глазах ромеев той ценностью, которой не обладали другие народы, приобрело особое значение в Никейской империи. Несмотря на бесконечные войны, отнимавшие лучшие силы страны, никейские императоры смогли высоко поднять уровень образования и просвещения. Уже при Феодоре I в Никее, Пруссе, Смирне и других городах создаются школы грамматиков и риторов (*Nic. Blem. P. 2. 9—10; 3.3; 5.5. 7—9, 15*). Ватац не только увеличил численность элементарных школ и школ грамматиков, но и основал в Никее философскую школу, поручив преподавание в ней Эксаптеригу, а после его смерти в 1238 г. — Никифору Влеммиду. В Магнезии были созданы настоящие культурные центры со множеством библиотек. Кроме того, во всех крупных городах имелись публичные библиотеки, и тем самым была спасена большая часть литературных богатств Византии. По императорскому постановлению архонты и правители городов обязаны были платить жалованье учителям медицины, арифметики, {74} геометрии и риторики из городского бюджета. Учителя философии и права должны были обучать бесплатно, но могли принимать вознаграждения от своих учеников.

Файл byz3_75.jpg

«Не рыдай, Мене, Мати».

Миниатюра из Евангелия из Карахиссара.

Ленинград, ГПБ, греч. 105.

Особый подъем образования отмечается при Феодоре II Ласкарисе (*Scut. P. 277—302*). В самой Никее он увеличил число элементарных школ, основав в церкви св. Трифона школы грамматиков и риторов, поставив во главе их Сенахерима и Франкопула (*Ibid. P. 291. 6—11*). По всей империи и даже в Эпире никейские ученые собирали старые кодексы, которыми пополняли библиотеки. По-видимому, в крупных городах существовали небольшие скриптории, в которых создавались новые рукописи. О переписчиках проявлялась особая забота. Книги из библиотек разрешалось брать на дом, что представляло большое удобство для всех желающих заниматься. Для диспутов ученых и научных занятий были отведены специальные дома, «театры муз», по выражению Скутариота (*Ibid. P. 297. 26—298. 1*). О том, какое значение Феодор II придавал образованию и воспитанию, показывает его письмо к Сенахериму и Франкопулу, в котором учитель молодежи сравнивается с садовником. «Нет ничего приятнее, — пишет император, — для сердца садовника, как увидеть свой луг полным цветом. И он может надеяться,

³⁹ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976. С. 19—20.

⁴⁰ Андреева М. А. Очерки по культуре византийского двора в XIII в. Прага, 1927. С. 169.